

Российский государственный гуманитарный университет

— — — — —
Российская академия наук
Институт славяноведения

— — — — —
Польский институт при посольстве РП в Москве

ПОЛЯКИ И РУССКИЕ:

**взаимопонимание
и
взаимонепонимание**

1310450

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2000

Польская культурная среда в Вологде середины XIX века

Интерес к представителям образованной части польского общества, которые волею судеб оказались в местах, столь отдаленных от своего Отечества, у меня возник благодаря общению с замечательным человеком, имя которого и память о котором неизгладимы — я говорю об Анджее Дравиче. Мы встречались с ним трижды, и это были знаменательные для меня встречи — на конференции Российской Академии наук в Москве, на конференции в Варшаве, куда он меня пригласил, и, наконец, на симпозиуме «Пресса и культура» — в Вологде, куда пригласил я его. Замышляя этот доклад, я рассчитывал на четвертую встречу — опять в Москве, но — случилось то, что случилось, и встрече этой, к великой моей скорби, уже не суждено было состояться.

Однако тема, которую я избрал для такой встречи и которая, бесспорно, была бы очень интересна для пана Анджея, с большой настойчивостью требовала к себе внимания: ее реализация стала как бы долгом перед ушедшим.

Вашему вниманию представлен лишь начальный этап работы, которая, при наличии к ней интереса, может быть продолжена и представляется весьма перспективной.

В начале тридцатых годов XIX века, когда на Севере появляются первые ссыльные из Царства Польского (так в официальных документах именовались польские губернии, оказавшиеся в границах России), Вологда, несмотря на статус губернского центра, была городом тихим и весьма провинциальным. Однако глазами человека того времени многое виделось иначе, чем с позиций историка рубежа XIX–XX в., т.е. времени гораздо более позднего. «...До 30-х г. одни только площади были вымощены камнем, а улицы и тротуары деревом», — сожалеет историк; а вот точка зрения на тот же предмет очевидца: «Замечательно..., что на всех улицах поделаны широкие деревянные тротуары. Видно, что леса много и достается он дешево»¹.

Существуют и объективные цифры, которые позволяют судить о том, что Вологда, уступая столицам — Петербургу, Мо-

¹ И. А. Тюрин. Третий период истории города Вологды со второго десятилетия XVIII века до 60-х годов XIX века. Рукопись. ГАВО, ф. 652, оп. 1, д. 34, л. 27; Вологда в воспоминаниях и путевых записках: конец XVIII — начало XIX века / Сост. М. Г. Ильющина. Вологда: Вологодская областная универсальная и научная библиотека им. И. В. Бабушкина, 1997, с. 79.

скве, а также другим, более развитым городам России того времени, все же представляла собой уже настоящий город. Вот некоторые данные за 1836 год.

Всего жителей обоего пола было несколько более 16 тысяч, из них дворян 522, учащихся около полутора тысяч (более всего — около 500 — в духовной семинарии), 50 церквей, колоколов 400; домов насчитывалось 1310, из которых только 64 было каменных².

Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что именно в те годы, о которых идет речь, город очень активно и динамично развивался. Уже в 1860 году количество домов достигло 18 с лишним тысяч, а каменных из них было почти вдвое больше — 111³.

Современник так описывает общий облик города: «Особенно замечательных или великолепных зданий вы не найдете в Вологде; но вообще можно назвать ее чистеньким городом. Самую замечательную особенность его составляет то, что, за исключением церквей, в нем чрезвычайно мало каменных зданий, вероятно, от дороговизны каменных построек, но зато деревянные дома так велики и так хороши, что подобных мне не случалось видеть нигде; между ними немало двухэтажных и некоторые не уступят любому каменному дому», — и далее: «... дома в Вологде построены из прекрасного леса, просторно и чисто»⁴.

С точки зрения занимаемого пространства Вологда, в глазах жителей середины прошлого века, воспринималась городом «довольно обширным и разбросанным», подобно другим русским древним городам⁵. Остается добавить, что в это время в городе существовало две общественных библиотеки — дворянская публичная библиотека, насчитывавшая около 600 книг, и библиотека при мужской гимназии, в которой книг было до пяти тысяч. При магазине купца Сумкина на чтение журналов подписалось 40 человек; но уже в 70-е годы на город выписывалось около 500 журналов, правда, большинство — православно-духовного содержания⁶.

Таков был город, в который с ноября 1831 года начали прибывать ссыльные участники восстания — «бывшие генералы и полковники войска Польского», как их именовали в официальных документах.

² Вологда в воспоминаниях и путевых записках. С. 72.

³ В. Д. Андреевская. Очерк по истории города Вологды во 2-й половине 19-го века. Рукопись. ГАВО, ф. 652, оп. 1, д. 35, л. 3.

⁴ Вологда в воспоминаниях и путевых записках. С. 79.

⁵ Там же. С. 76.

⁶ В. Д. Андреевская. Цит. соч., л. II.

25 октября были отправлены из Москвы и 1 ноября прибыли в Вологду генералы Томицкий и Чижевский ⁷. В сопровождающем их документе за подписью Московского военного генерал-губернатора указано: «По Высочайшему повелению отправляются из Москвы в Вологду... бывших Польского войска генералы бригад: Томицкий, уроженец княжества Познанского, который имел чин до мятежа настоящий и состоял при уланской дивизии, служил в мятежнических войсках бригадным командиром 1-го Кавалерийского корпуса, уволен в отставку 17 июля сего года; и Чижевский, уроженец воеводства Калишского, имел чин до мятежа настоящий и был командиром 3-й бригады 2-й пехотной дивизии, служил в мятежнических войсках в том же чине и командиром той же бригады до 28 февраля, а с сего времени находился без всякой должности до 1 сентября, потом назначен начальником Варшавских укреплений, наконец — был комендантом крепости Модлина, где оставался до сдачи оной и прибыл в Варшаву 30 сентября/12 октября» ⁸.

На следующий день, т. е. 2 ноября был доставлен генерал-бригадир Ксаверий Неселовский, о котором сообщено, что «бывший Польских войск генерал бригадир Ксаверий Неселовский есть уроженец Гродненской губернии, до происшедшего мятежа находился в отставке, имел чин настоящий, служил в мятежнических войсках и был первоначально вице-губернатором [города] Варшавы, потом назначен бригадным командиром и добровольно возвратился в Варшаву 30 сентября сего года» ⁹. Тогда же был доставлен и бригадный генерал Осип Морозинский, занимавший в повстанческих частях должность начальника Главного штаба Польской армии, а затем — Главного директора военного управления. Как и генерал Неселовский, он «возвратился добровольно с Плоцка», после чего и был арестован ¹⁰.

Ко 2 декабря 1831 года в Вологде было уже девять польских генералов: «...генерал от инфантерии Красинский..., бригадный генерал Мюльберг..., ...бригадный генерал Моравский..., ...бригадный генерал Томицкий..., ...бригадный генерал Чижевский..., ...бригадный генерал Морозинский..., ...бригадный генерал Неселовский..., ...бригадный генерал Дзеконский... и... бригадный генерал

⁷ ГАВО, ф. 14, оп. 1, д. 583, л. 1, 2; ф. 14, оп. 1, д. 587, л. 1, 2, 3.

⁸ ГАВО, ф. 14, оп. 1, д. 587, л. 6. Здесь и далее орфография и пунктуация цитируемых подлинников приведена в соответствие с современными требованиями.

⁹ ГАВО, ф. 14, оп. 1, д. 584, л. 1.

¹⁰ ГАВО, ф. 14, оп. 1, д. 588, л. 1, 3.

Редель»¹¹. Эти данные заимствованы из Дела об уплате жалованья польским генералам, которое завершается таким резюме Вологодского гражданского губернатора, адресованным Казенной палате: «Следующие им на содержание деньги благоволит Палата отпускать под расписку генерала Ределя, по изъявленному на то желанию вышеозначенных генералов»¹². В следующем, 1832 году, к названным прибавилось еще два генерала — Круковецкий и Желтковский, которые были переведены из Ярославля и прибыли в Вологду 28 апреля¹³. Хотя появление этих двух ссыльных в Вологде никаким досе не сопровождалось, имя, по крайней мере, одного из них — генерала Круковецкого — достаточно известно: он в августе 1830 г. возглавил правительство восставшей Польши, но после того, как Варшава была взята штурмом, выразил покорность русскому императору (что, впрочем, не нашло поддержки у других руководителей восстания)¹⁴.

В начале 1832 г.¹⁵ в Вологду были доставлены также два полковника, жизненный и служебный путь которых также весьма примечателен.

Цитирую официальный документ: «...бывших польских войск полковник Роланд, уроженец Царства Польского, именно из Сломниц (?) Краковского воеводства, в службу вступил и определен поручиком в 5-й пехотный полк бывшего варшавского Герцогства в 1807 году, в том же году произведен в капитаны в 6-м линейном полку, а в 1812 в майоры, с назначением в 18 линейный полк; приказом [от] 13/25 марта 1815-го переведен в учебный батальон, 8/20 июня 1815 произведен в подполковники, с переходом в Гвардейский гренадерский батальон, в 1816 определен командиром 4-го линейного, а 8/20 июня 1817 года 7-го линейного же полка, чин полковника получил в 1820 году.

¹¹ ГАВО, ф. 18, оп. 1, д. 526, л. 4; о генералах Ределе и Дзеконском (Дзяконском) говорится, что они прибыли, соответственно, 28 и 30 октября (там же), но никаких документов, подтверждающих эти даты, не обнаружено. С другой стороны, даты прибытия других генералов, отмеченные в данном конкретном источнике, явно расходятся с подтвержденными другими документами, что заставляет сомневаться в их достоверности.

¹² Там же; Казенная палата ведала выделением денежных средств. Можно полагать, что сосланные генералы не имели нужды в деньгах; о том же свидетельствует переписка в связи с получением генералом Дзеконским от родственников достаточно больших сумм (4-х и 2-х тысяч рублей). См.: ГАВО, ф. 18, оп. 2, д. 2, л. 1, 2.

¹³ ГАВО, ф. 18, оп. 1, д. 546, л. 2, 3.

¹⁴ Большая Энциклопедия. Т. 15. СПб.: Просвещение, 1896..., с. 405.

¹⁵ 30 января и 28 февраля; см.: ГАВО, ф. 18, оп. 1, д. 547, л. 1 и д. 548, л. 1.

Полковник Роланд был в походах в 1807, 1809, 1812-го и 1813 годов, и находился в трех сражениях и делах. Имеет ордена: Золотой крест Польского военного достоинства, [орден] Св. Анны 2-го класса с Императорской короной и знак отличия за беспорочную до возмущения продолженную 20-летнюю службу. Во время возмущения Роланд служил в мятежнической армии с 30 января 1830 года командиром 1-й бригады 2-й пехотной дивизии и в сем же звании в феврале произведен был в генералы бригады; в последствие же времени командиром 2-й бригады 2-й пехотной дивизии, принадлежащей к корпусу генерала Гельгуда»¹⁶.

Еще более славным послужным списком отмечена воинская карьера полковника Андрея Рутье. Как об этом свидетельствует при-сланный в Вологду формуляр, он «родился в Варшаве в 1777 году, в польскую службу вступил в 1794 [г.], в качестве товарища в бригаду генерала Домбровского; 24 августа того же года и в одной же бригаде произведен в прапорщики, в 1797 году определен поручиком в 1-й пехотный полк польско-итальянской легии, где произведен: в 1797 году в капитаны, а в 1807 году в майоры; переведен в 1808 в 1-й конный полк помянутой же легии, в 1811 году в чине подполковника поступил в 7-й кавалерийский полк легии Вислянской, в 1813-м назначен командиром 26 французского конно-Егерского полка, приказом [от] 1/13 февраля 1815 [г.] определен в 4-й польский Уланский полк, по служению в коем произведен в полковники приказом [от] 12/24 октября 1819 года, назначен приказом [от] 14/26 мая командиром того же 4-го уланского полка.

Полковник Рутье участвовал в походах 1794, 1797, 1798, 1799, 1800, 1801, 1805, 1807, 1808, 1809, 1810, 1812, 1813 и 1814 [годов], находился в 55 сражениях и делах, при том ранен пулею в лицо, в 1808 [г.] получил кавалерский крест почетного легиона, в 1811 году орден польского военного достоинства, [в] 1813 [г.] офицерский крест почетного легиона и в 1820 году орден Св. Анны с бриллиантами; кроме того, имеет Знак отличия за 30 летнюю беспорочную службу.

Во время возмущения полковник Рутье произведен в генералы бригады, сперва командовал 2-ю бригадою 1-й дивизии 2 кавалерийского корпуса, потом весьма короткое время исправлял должность военного губернатора г[орода] Варшавы»¹⁷.

Поразительно, что все эти мужественные люди — генералы и полковники — добровольно сдались на милость царского пра-

¹⁶ ГАВО, ф. 18, оп. 1, д. 548, л. 1.

¹⁷ ГАВО, ф. 18, оп. 1, д. 547, л. 1-2

вительства, а некоторые даже приехали с этой целью из заграницы¹⁸.

Нужно, впрочем, отметить, что и царь оказался к этой группе мятежников не слишком суров. Генерал Дзяконский был отпущен на родину, в Варшаву уже в мае 1833 г.¹⁹, а генерал Круковецкий — в октябре 1835 г., причем, в предписании Вологодскому гражданскому губернатору, под которым стоит подпись министра внутренних дел, говорится: «Государь Император по всеподданнейшему ходатайству г[осподина] наместника Царства Польского всемилостивейше соизволил даровать прощение и дозволение возвратиться в Царство Польское находящемуся ныне в г[ороде] Вологде генералу Круковецкому с возвращением ему имения его, состоящего в упомянутом Царстве»²⁰. О дальнейшей судьбе других упомянутых генералов и полковников сведений пока найти не удалось, но в списках ссыльных и состоящих под надзором полиции они также не обнаружены. Поэтому можно полагать, что к середине 30-х г. все они были возвращены на родину.

Гораздо более драматичной оказалась судьба следующего поколения польских ссыльных, которые и составили основной состав польской диаспоры в Вологде в середине XX в. Почти все они — в той или иной мере — оказались причастными к делу Шимона Конарского (в документах того времени он именуется Симоном Конарским или «эmissаром Конарским»²¹). В Вологду эти ссыльные начали поступать уже в 1839 г., а к середине 1840 г. их насчитывалось уже более десятка.

Подавление польского восстания 1863–1864 гг. также породило значительную группу ссыльных из этого края, однако в самой Вологде они оказывались, скорее, в порядке исключения: тех из них, кто попал в Вологодскую губернию, в подавляющем большинстве случаев рассылали по уездным городам: в близкие — Грязовец и Кадников, и в гораздо более отдаленные от губернского центра — в Устюг, Усть-Сысольск, Тотьму и ряд других. Основная же масса ссыльных этого времени оказалась дальше — в Вятской губернии, которая расположена еще восточнее, а также в местностях, находящихся за Уралом.

¹⁸ Как, например, полковник Роланд, о котором сказано, что он «возвратился в Варшаву из Гейдельберга» (ГАВО, ф. 18, оп. 1, д. 548, л. 1).

¹⁹ ГАВО, ф. 18, оп. 2, д. 2, л. 7.

²⁰ ГАВО, ф. 18, оп. 1, д. 546, л. 15.

²¹ См., например: ГАВО, ф. 18, оп. 2, д. 93, л. 44. О Ш. Конарском и его действиях по организации и функционированию тайных обществ на территории Царства Польского см.: БСЭ. Т. 12. М.: СЭ, 1973. Ст. 1803 (библ.).

В культурной и светской жизни Вологды ссыльные поляки, практически, не сыграли и не могли сыграть сколько-нибудь значительную роль по ряду вполне естественных причин.

Велась эта жизнь, преимущественно, в дворянской среде, т. е. в ней принимал участие весьма ограниченный круг людей. Как об этом пишет историк, жизнь в столицах была для большинства дворян-помещиков слишком дорога, и потому «...обыкновенно проводя лето в своих усадьбах, дворяне на зиму перебирались в город, где постепенно ими были построены для себя поместительные и в некоторой степени удобные дома... По словам одного постороннего наблюдателя (жившего в 40-х г. ХХ в.), — продолжает он, — обыкновение проводить зиму вместе в своем губернском городе сближало между собою всех членов Вологодского дворянства; здесь были все коротко знакомы между собою, ничья жизнь не ускользала от надзора и обсуждения целого общества»²².

Попасть в это тесное сообщество, быть принятым в этих домах удалось только очень немногим из числа ссыльных: ведь общение с ними могло стать поводом пристального внимания полиции к тем, кто оказывал гостеприимство опальным. Да и само положение поднадзорных ссыльных, ощутимо ограниченных в переписке, передвижении, контактах с окружающими их людьми, мало способствовало удовлетворению желания активного участия в культурной жизни, буде такое желание и существовало.

И все же кое-кто пытался преодолеть этот барьер. Таких людей, судя по архивным материалам, было несколько, но в настоящем докладе будет представлена только одна история о человеке, попытавшемся преодолеть эти барьеры.

Речь идет о польском дворянине Антоне Буховицком, человеке, по всей видимости, очень импульсивном и творчески активном. В отличие от многих его собратьев по несчастью, он совершенно не принимал участие в полном смысле слова политической деятельности. Под надзор полиции Буховицкий был отдан еще в Могилеве в 1836 году, как сказано в документах, «за необдуманные речи». Однако не уgomонился и 1 мая 1848 года, я цитирую полицейское досье, «за неприличные выражения и дозволение себе в пьяном виде говорить нелепости вследствие событий, бывших во Франции, удален из Могилева в Вологодскую губернию и был подвергнут надзору полиции»²³. В Вологде он, однако, не был оставлен, но пере-

²² И. А. Тюрин. Прошлое города Вологды (рукопись). ГАВО, ф. 652, оп. 1, л. 7-8.

²³ ГАВО, ф. 14, оп. 1, д. 2221, л. 1-2

мещен в уездный город Кадников, условия жизни в котором были гораздо более скудными, а культурная среда, повидимому, в то время просто не существовала. Не будучи в силах с этим смириться и желая вырваться в среду более близкую его образу жизни и менталитету, Антон Буховицкий начинает активно заниматься творчеством, что, как он, видимо, полагал, могло помочь ему в осуществлении этого намерения.

Сохранилось особое Дело, повествующее о такой попытке. Оно открывается рапортом кадниковского городничего, отправленным 29 августа 1852 г., на имя исполняющего должность генерал-губернатора г. Вологды (тогда им был генерал-майор Иван Васильевич Романус).

«Находящийся под надзором полиции дворянин Буховицкий, — говорится в этом рапорте, — доставил ко мне при прошении на имя мое прошение на имя Вашего Превосходительства с написанной им тетрадью. Водевиль на польском языке, будто бы его сочинение, которое в подлиннике представить честь имею, с дополнением, что от принятия [сего] от Буховицкого я отказаться не мог, дабы не навлечь на себя жалобы в притеснении». На этом рапорте, по-видимому, рукой губернатора, имеется виза: «Водевиль дать прочесть переводчику и мне доложить»²⁴.

Далее следует прошение самого автора на имя губернатора (цитирую с купюрами):

«...Написал я оригинально два водевиля на польском языке, из коих один честь имею здесь препровождать и желал бы, ежели оные того заслуживают, представить их со временем на вологодском театре, или же напечатать оные.

...[прошу] повелеть мне на некоторое время прибыть в город Вологду. Ибо как перевод оных требует больших издержек, а мои доходы очень ограничены, имея только в месяц пять рублей с полтиной, вынужден я прибегнуть к единственному способу всех бедных литераторов, то есть собирать подписку у достойных пренумераторов.

Не откажите мне и позвольте пробить несколько времени в Вологде, в городе гораздо больше населением, чем Кадников, и имеющем большее число людей образованных, умеющих оценить мои литературные труды....

²⁴ ГАВО, ф. 18, оп. 2, д. 60, л. 1. В этом рапорте несколько иное написание фамилии — Буховецкий; однако во всех других документах принято единое написание (через «и»), которому и отдается предпочтение.

Ежели просьба моя покажется Вашему Превосходительству сомнительной по причине того, что таковые водевили не подписаны Цензурным комитетом, с которым переписка мне невозможна по причинам ...великих издержек на почтовые и весовые, то опять осмеливаюсь просить Ваше Превосходительство отослать оные в Санкт-Петербургский или в Московский Цензурный комитет...»²⁵.

Водевиль был переведен, и подробное изложение этого перевода было представлено губернатору (оно также имеется в Деле). Назывался водевиль «Бал-маскарад», его содержание достаточно характерно для такого рода сочинений, что видно уже из начального абзаца:

«Сын Графа Дюмонда Валерий на четвертый месяц после своего брака, завел интрижку с молодою женою садовника Софию. Муж которой, убедившись в действительности оной, несмотря на верность жены, для устранения во всяком случае могущих произойти дурных последствий, решился занести жалобу отцу молодого Графа. Это известие чрезвычайно огорчило старого Дюмонда, потому что он полагал женитьбою сына прекратить его безнравственность»²⁶.

И далее в том же роде...

Переводчик не только добросовестно изложил содержание пьесы, но и сопроводил рукопись своеобразным отзывом политически-литературного характера: «При тщательном же рассмотрении этой пьесы, кроме [как] в напеве к золоту (т. е. в куплетах о золоте. — М. Б.), заключающем в себе критику, относящуюся ко всем явлениям, имеющим пристрастие к этому металлу, я ничего не заметил противу нравственности или воспрещенной законом во всех подобного рода сочинениях двусмысленности. В литературном же взгляде сочинение это написано слогом умеренным, средним, при том во многих местах найдется в нем ошибки как противу языка, так равно и стихотворения (т.е. — стихосложения. — М. Б.)». Пересказ содержания и рецензия подписаны переводчиком Вологодского губернского правления, коллежским регистратором Францем Лашкевичем²⁷.

Попытка, к сожалению, окончилась, по сути, ничем, поскольку губернатор наложил резолюцию, достойную матерого бюрократа и абсолютно не соответствующую просьбам автора. Она была адресована кадниковскому городничему и гласила: «Возвращая... писанный на польском языке водевиль, предписываю Вам объявить сочинителю

²⁵ Там же, л. 2-3.

²⁶ Там же, л. 6.

²⁷ Там же, л. 8.

оного дворянину Буховицкому, что к представлению оного в Цензурный комитет, я не встречаю со своей стороны препятствий»²⁸.

Дальнейшую судьбу Антона Буховицкого удалось проследить только отчасти. Четыре года спустя в Ведомости, составляемой Вологодским полицмейстером, о нем написано следующее: «Хотя Буховицкий постоянно до 1856 года по нетрезвому своему поведению аттестован неодобрительно, но в настоящее время, по удостоверению городничего, он ведет жизнь скромную, занимается чтением книг и ни в каких предосудительных поступках не замечается; хлопочу о возврате его на родину»²⁹. Хлопоты эти, однако, еще долго не могли увенчаться успехом. Последнее из найденных мною упоминаний об этом человеке датируется 1860 годом, что свидетельствует, что он еще, как минимум, четыре года находился под надзором полиции на Вологодской земле³⁰.

Как я уже говорил, поиски только начаты. Однако, во имя соблюдения регламента, я и из найденного сообщил только малую часть. Материала еще довольно много, и повествует он о показательных судьбах людей, оказавшихся на чужой земле и оставивших очень интересные для современного историка следы своего на ней пребывания.

²⁸ Там же, л. 10.

²⁹ ГАВО, ф. 18, оп. 2, д. 93, л. 42.

³⁰ ГАВО, ф. 14, оп. 1, д. 2221, л. 1.